

ДЖОН БЁРДЖЕР

ЗАЧЕМ СМОТРЕТЬ

НА ЖИВОТНЫХ?

Джон Бёрджер

Зачем смотреть на животных?

«Ад Маргинем Пресс»

2009

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)

Бёрджер Д.

Зачем смотреть на животных? / Д. Бёрджер — «Ад Маргинем Пресс», 2009

ISBN 978-5-91103-375-0

Джон Бёрджер (1926–2017) всю жизнь учился смотреть и исследовал способы видеть. В собранных в настоящем сборнике эссе он избирает объектом наблюдения животных, поскольку убежден, что смотреть на них необходимо – иначе человеку как виду не справиться со своим одиночеством. «Будучи одиноки, мы вынуждены признать, что нас сотворили, как и все остальное. Только наши души, если их подстегнуть, вспоминают первоисточник, молча, без слов». Бёрджеру удалось не только вспомнить забытое, но и найти верные слова, чтобы его выразить. Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-91103-375-0

© Бёрджер Д., 2009
© Ад Маргинем Пресс, 2009

Содержание

Зачем смотреть на животных?	6
Мышиная история	6
Открытая калитка	9
Зачем смотреть на животных?	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Джон Бёрджер

Зачем смотреть на животных?

John Berger

Why Look at Animals?

Penguin Books

© John Berger, 2009 and Heirs of John Berger

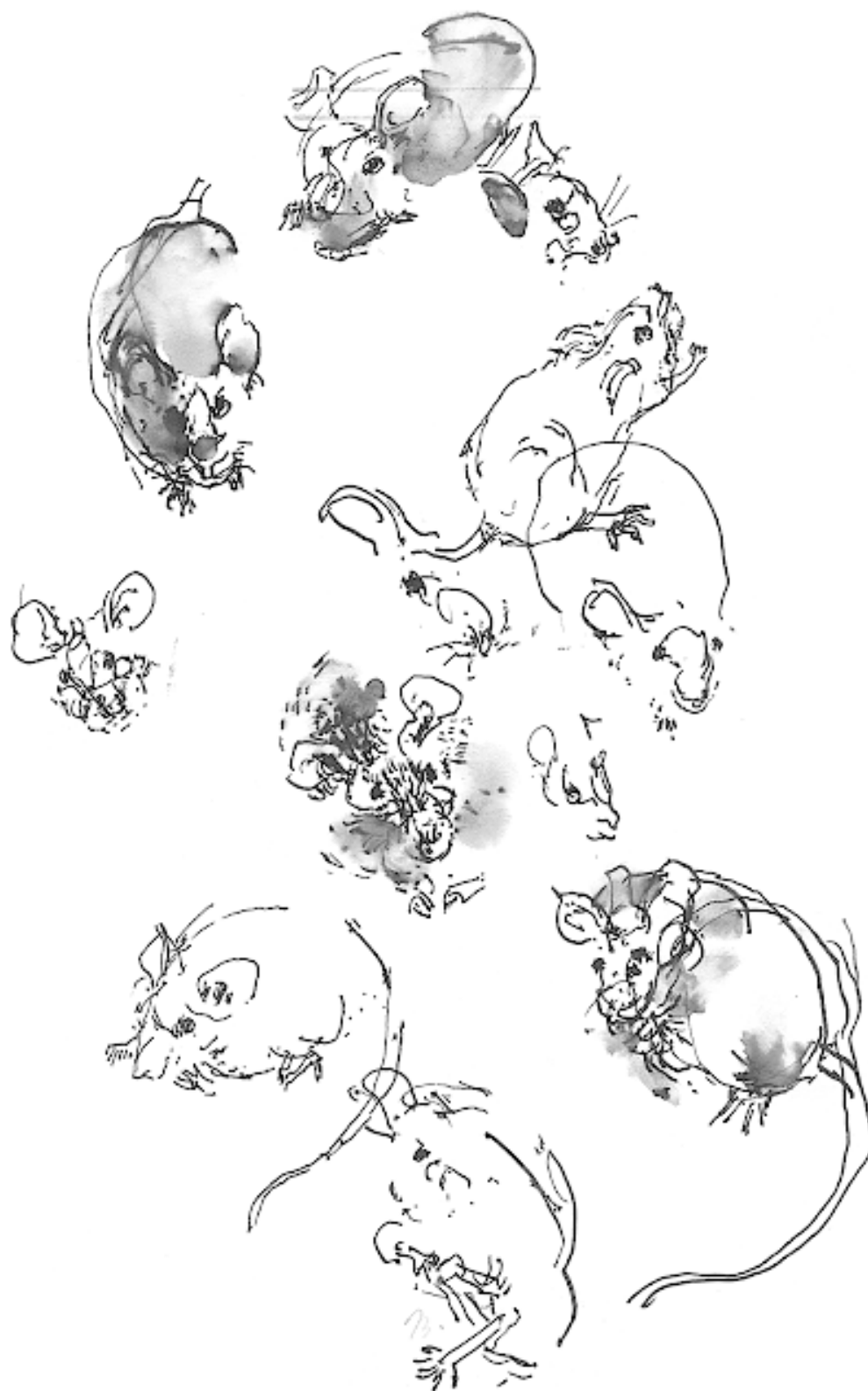
© Анна Асланян, перевод, 2017

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2017

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/ IRIS Foundation, 2017

Зачем смотреть на животных?

Мышиная история

Жил да был человек, который каждое утро брал хлебный нож, отрезал от буханки, что держал в руке, кусок в 10 сантиметров и выбрасывал его, а после отрезал еще ломоть себе на завтрак.

Поступал он так вот почему: каждую ночь мыши прогрызали в середине буханки дыру. Каждое утро он обнаруживал, что дыра эта размером с мышь. Домашние коты, даром что охотились на кротов, к серым мышам, поедавшим хлеб, оставались до странности равнодушны, а может, были подкуплены.

Так оно и шло, месяц за месяцем. Человек много раз записывал в списке покупок «мышеловка». И много раз забывал – может, потому, что магазина, где жители деревни некогда покупали мышеловки, больше не было.

Как-то днем ищет этот человек в сарае за домом металлический напильник. Напильника не найти, но тут он натывается на мышеловку, прочную, явно ручной работы. Состоит она из деревянной дощечки 18 на 9 сантиметров, окруженной клеткой из крепкой проволоки. Расстояние между соседними параллельными прутьями везде не более полусантиметра. Достаточно, чтобы мышь могла просунуть туда нос, но никак не достаточно для обеих ушей. Высота клетки 8,5 сантиметра, так что мышь, оказавшись внутри, может встать на сильные задние лапы, зацепиться за верхние прутья передними, четырехпалыми, и просунуть морду между прутьями потолка, однако выбраться ей ни за что не удастся.

Один конец клетки – дверца, подвешенная на петлях сверху. К этой дверце приделана пружина-спираль. Когда дверцу открывают, пружина напрягается, готовая снова ее захлопнуть. Сверху – натяжная проволока, которая закреплена, когда дверца открыта. Впрочем, проволока высовывается наружу менее чем на миллиметр. Выражаясь проволочно-капканым языком, на волосок! На другом конце проволоки, внутри клетки – крючок, на который насаживают кусок сыру или сырой печенки.

Мышь входит в клетку, чтобы откусить кусочек. Только она касается еды зубами, как натяжная проволока отпускает дверцу, и та захлопывается у мыши за спиной – мышь и обернуться не успеет.

Лишь через несколько часов мышь осознает, что она, целая и невредимая, оказалась заперта в клетке размером 18 на 9 сантиметров. Дрожь, пронизывающая ее в этот момент, не уймется до самого конца.

Человек приносит мышеловку в дом. Проверяет ее. Насаживает на крючок кусок сыру и ставит мышеловку на полку в шкафу, где хранится хлеб.

На следующее утро человек обнаруживает в клетке серую мышь. Сыр в клетке нетронут. С тех пор как дверца захлопнулась, у мыши пропал аппетит. Когда человек берет клетку в руки, мышь пытается спрятаться за приделанной к дверце пружиной. У мыши черные агатовые глаза; они глядят в упор, не мигая. Человек ставит клетку на кухонный стол. Чем дальше он вглядывается внутрь, тем более ясно видит сходство между сидящей мышью и кенгуру. Стоит тишина. Мышь немного успокаивается. Потом начинает описывать круги по клетке, снова и снова пробуя своими четырехпалыми передними лапами расстояние между прутьями в поисках исключения. Мышь пытается кусать проволоку зубами. Потом она снова садится на задние лапы, прижав передние ко рту. Редко бывает, чтобы человек так долго смотрел на мышь. И наоборот.

Человек относит клетку в поле за деревней, ставит ее на траву и открывает дверцу. У мыши минута уходит на то, чтобы осознать: четвертая стена исчезла. Она тычется в открытое пространство мордой, проверяет. Потом выскакивает наружу и, прошмыгнув к ближайшему пучку травы, прячется в нем.

На следующий день человек находит в клетке новую мышь. Эта покрупнее первой, но более нервная. Может, постарше. Человек ставит клетку на пол и сам садится на пол понаблю-

дать. Мышь карабкается на прутья потолка и повисает вниз головой. Когда человек открывает клетку в поле, старая мышь убегает зигзагом и наконец скрывается из виду.

Однажды утром человек обнаруживает в клетке двух мышей. Трудно сказать, насколько они осознают присутствие друг друга, насколько оно ослабляет или усиливает их страх. У одной уши побольше, у другой шерсть более лоснящаяся. Мыши похожи на кенгуру тем, что их задние лапы обладают огромной силой в относительном смысле, а также тем, что их сильные хвосты, прижимаясь к земле, действуют как рычаг во время прыжков.

В поле, когда человек приподнимает четвертую стену, две мыши времени не теряют. Они тут же выскакивают бок о бок и разбегаются в разных направлениях, одна на восток, другая на запад.

Хлеб в шкафу лежит почти нетронутый. Когда человек поднимает клетку, мышь охватывает паника, как и прежних, однако перемещается она более тяжело. Человек выходит из кухни взять почту и минутку поболтать с почтальоном. Когда он возвращается, в клетке – девять новорожденных мышат. Идеальных пропорций. Розовые. Каждый размером с два зернышка длинного риса.

Спустя десять дней человек задается вопросом о том, не возвращаются ли в дом какие-то из мышей, которых он выпустил в поле. Поразмыслив, он решает, что вряд ли. Он до того пристально наблюдает за всеми, что уверен: вернись одна из них, он ее тут же узнал бы.

Мышь в клетке держит голову набок, словно на ней шапка. Передние лапы, четырехпалые, крепко упираются в землю по обе стороны от морды, подобно рукам пианиста на клавиатуре. Задние лапы подоткнуты под себя и вытянуты по полу так, что почти достигают ушей. Уши наострены, а хвост, длинный, растянувшийся позади, крепко прижат к низу клетки. Когда человек поднимает клетку, сердце у мыши колотится очень часто, она испугана. Однако за пружиной она не прячется; не съеживается от страха. Она держит голову набок и неотрывно смотрит на человека в ответ. Человеку впервые приходит в голову имя для мыши. Он решает назвать мышь Альфредо. Ставит клетку на кухонный стол рядом со своей кофейной чашкой.

Потом человек идет в поле, опускается на колени, ставит клетку на траву и, открыв дверцу, что образует четвертую стену, придерживает ее. Мышь приближается к открытой стене, поднимает голову и прыгает. Не шмыгает, не выскакивает – летит. Прыгает она в относительном смысле выше и дальше, чем кенгуру. Прыгает, как мышь, которую выпустили на свободу. За три прыжка покрывает более пяти метров. А человек, все еще на коленях, смотрит, как мышь по имени Альфредо снова и снова прыгает в небо.

На следующее утро хлеб нетронут. И человек думает: возможно, мышь в клетке – последняя. Опускаясь на колени в поле за деревней, придерживая открытую дверцу, человек ждет. Мышь долго не осознает, что можно уйти. А когда наконец осознает, шмыгает в самый густой, ближайший пучок травы; человек же испытывает легкий, но острый укол разочарования. Он надеялся еще раз в жизни увидеть, как пленник летит, как пленник осуществляет свою мечту о свободе.

Открытая калитка

Потолок спальни выкрашен в полинявший небесно-голубой. В балки вкручены два больших ржавых крюка; на них когда-то давно фермер подвешивал свои копченые колбасы и око-рока. Вот в этой комнате я и пишу. За окном – старые сливовые деревья, плоды уже превраща-ются в иссиня-черные, а за ними – ближайший холм, что образует первую ступень, ведущую к горам.

Сегодня рано утром, когда я еще лежал в постели, в комнату влетела ласточка, описала круг, поняла свою ошибку и, вылетев в окно, пронеслась мимо слив и уселась на телефонный провод. Рассказываю об этом мелком происшествии, поскольку мне представляется, что оно имеет некое отношение к фотографиям Пентти Саммаллахти. Они тоже, как и ласточка, сби-ваются с пути.

Какие-то из его фотографий хранятся у меня дома уже два года. Я часто вынимаю их из папки, чтобы показать заходящим друзьям. Те, как правило, сперва ахают, а потом вглядыва-ются попристальнее, улыбаясь. Изображенные там места они рассматривают дольше обычного. Порой они спрашивают, знаком ли я с фотографом, Пентти Саммаллахти, лично. Или же спра-шивают, в какой части России сделаны эти снимки. В каком году. Они никогда не пытаются выразить словами свое очевидное удовольствие – ведь оно тайное. Они просто всматриваются и запоминают. Что?

На каждой из этих фотографий по меньшей мере одна собака. Это ясно, и это, возможно, не более чем трюк. И все же в собаках, по сути, кроется ключ к двери. Нет, к калитке – ведь здесь все находится снаружи, снаружи и вдали.

Еще на каждой фотографии я вижу особый свет – свет, который определяется време-нем суток или временем года. Это свет, в котором фигуры неизменно что-то ищут или ловят: животных, позабытые имена, дорогу домой, новый день, сон, следующий грузовик, весну. Свет, в котором нет постоянства, свет, длящийся не дольше взгляда-мига. Это тоже ключ к калитке.

Фотографии сняты панорамным аппаратом, какие обычно используют для широкоза-хватной геологической съемки. Здесь широкий захват важен, по-моему, не по эстетическим причинам, но опять-таки по научным, наблюдательным. Линза с более узким фокусом не нашла бы того, что я сейчас вижу, а значит, оно осталось бы невидимым. Что же я сейчас вижу?

В нашей повседневной жизни мы постоянно взаимодействуем с набором повседневных картин, нас окружающих; нередко они хорошо нам знакомы, порой неожиданны и новы, но всегда подтверждают наше присутствие в жизни. Это происходит и тогда, когда образ несет в себе угрозу: так, вид горящего дома или человека, который приближается к нам с ножом, зажатым в зубах, все равно напоминает нам (настойчиво) о нашей жизни и ее важности. То, *что* мы привыкли видеть, подтверждает наше существование.

И все же случается – внезапно, неожиданно, чаще всего в полусвете взглядов-мигов, – что на глаза нам попадается другой оптический строй, пересекающийся с нашим и не имеющий к нам никакого отношения.

Кинопленка крутится со скоростью 25 кадров в секунду. Сколько кадров в секунду мель-кает перед нами в нашем восприятии повседневной жизни, одному Богу известно. Но в те краткие мгновения, о которых тут речь, мы словно видим то, что *между* двумя кадрами, – образ внезапный, дезориентирующий. Мы натываемся на часть видимого, для нас не предна-значенную. Возможно, это было предназначено для ночных птиц, северных оленей, хорьков, угрей, китов...

Наряду с привычным нам оптическим строем существуют и другие. Охотники никогда об этом не забывают и способны прочитывать знаки, которых мы не видим. Дети ощущают

это интуитивно, потому что имеют привычку прятаться за предметами. Там они обнаруживают промежутки между различными наборами видимого.

Собаки со своими быстрыми лапами, острым нюхом и развитой звуковой памятью – рожденные пограничники, специалисты по таким промежуткам. Их глаза, выражение которых, будучи настойчивым и бессловесным, нам зачастую непонятно, приспособлены как к человеческому, так и к другим оптическим строям. Возможно, именно поэтому мы так часто и с разными целями обучаем собак быть поводьями.

Вероятно, именно собака привела великого финского фотографа к моменту и месту, где были сделаны эти снимки. В каждом из них оптический строй, привычный человеку, оставаясь на виду, все-таки утрачивает центральное положение, ускользает. Промежутки открыты.

Результат вызывает беспокойство: тут больше одиночества, больше боли, больше неприкаянности. В то же время есть тут и ожидание, какого я не испытывал с детства, с той поры, когда я разговаривал с собаками, слушал их тайны и хранил их в секрете.

2001

Зачем смотреть на животных?

Жилу Айо

В XIX веке в Западной Европе и Америке начался процесс, ныне завершившийся корпоративным капитализмом века XX, – процесс, в ходе которого были разрушены все традиции, прежде выполнявшие роль посредника между человеком и природой. До этого разлома животные составляли первый круг того, что окружало человека. Возможно, в такой формулировке уже подразумевается слишком большая дистанция. Они вместе с человеком находились в центре его мира. Подобное центральное положение, разумеется, было экономически обосновано и продуктивно. Какие бы изменения ни претерпевали средства производства и общественное устройство, человек зависел от животных, дававших ему еду, работу, транспорт, одежду.

И все-таки предполагать, что животные впервые появились в человеческом воображении в качестве мяса, кожи или рога, значит перенести мировоззрение, господствовавшее в XIX веке, на тысячелетия назад. Впервые животные появились в воображении человека в качестве вестников и обещаний. Так, приручение скота началось не просто в расчете на молоко и мясо. Скот играл роль чего-то магического: порой оракула, порой жертвы. А выбор того или иного вида в качестве магического, приручаемого *и к тому же* пригодного к употреблению в пищу изначально определялся привычками, близостью и «зовом» данного животного.

Белый бык, как добра моя мать,
И мы – родные моей сестры,
Люди Ньяриау Була...

Друг мой, великий бык с растопыренными рогами,
Что ревет в стаде,
Бык – сын Була Малоа.

*(Э. Э. Эванс-Причард. Нуэры. Описание способов
жизнеобеспечения и политических институтов одного из
нилотских народов.)*

Животные рождаются, они наделены сознанием, они смертны. В этом они подобны человеку. Своей анатомией – скорее при поверхностном, нежели при глубоком взгляде, – своими привычками, временем, физическими возможностями они от человека отличаются. Они одновременно похожи и непохожи.

«Мы знаем то, что делают животные, каковы потребности бобра, медведя, лосося и других существ, поскольку некогда люди вступали в брак с ними и приобрели эти знания от своих жен-животных»¹.

(Гавайский индеец, которого цитирует Клод Леви-Стросс в «Неприрученной мысли».)

Взгляд животного, когда он направлен на человека, внимателен и насторожен. То же самое животное вполне способно так же смотреть и на представителей других видов. У него нет особого взгляда, предназначенного лишь для человека. Однако ни один другой вид, кроме человека, не распознает во взгляде животного нечто знакомое. Другие животные замирают под прицелом этого взгляда. Человек осознает себя, глядя в ответ.

¹ Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Пер. А. Островского. М.: Республика, 1994. – Здесь и далее примеч. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.